

«Советскому человеку, его беспредельному мужеству посвящаю я свою новую оперу на сюжет глубоко взволновавшей меня “Повести о настоящем человеке” Б. Полевого. Эта повесть – наиболее сильное мое литературное впечатление за последнее время».

Сергей Прокофьев

Сегодня это признание, опубликованное в газете «Вечерняя Москва» в 1947 г., может показаться анахронизмом, идеологической «отпиской». Но едва ли стоит сомневаться в искренности слов, которыми автор оценивал свою последнюю оперу. Волею судьбы «Повесть...» стала самым неизвестным сценическим произведением отечественного классика XX века, при этом ее литературный первоисточник и сегодня популярен среди российских читателей. Необычный сюжет оперы, шокирующий многих своей натуралистичностью (главный герой ползает на карачках по заснеженному лесу, бредит на больничной койке, наконец, танцует... на протезах!), стал поводом для слухов и анекдотов, большинство из которых не имеют никакого отношения к действительности.

При более внимательном изучении творчества Прокофьева сам факт обращения к написанной «по горячим следам» книге Бориса Полевого не вызовет удивления. В течение всей жизни композитор избегал проторенных троп, ломая привычные представления о музыкальном театре и воплощая на сцене совершенно не оперных персонажей (героев Достоевского, Льва Толстого, Брюсова). Более того, архивы Прокофьева второй половины 1940-х годов свидетельствуют о твердом намерении написать

оперу на современный и актуальный (то есть советский) сюжет. Такой уже радикальной выглядит фигура летчика Алексея Мересьева, одержавшего победу над тяжелым физическим недугом, в череде театральных героев композитора?

Идея внутренней борьбы с самим собой, победы «духа» над «телом» становится смысловым стержнем оперы. В этой идеи заключен и главный драматургический конфликт произведения, в котором нет ни батальных сцен, ни какого-либо открытого противостояния. Фактически «Повесть...» представляет собой камерную оперу-монодраму, в которой военная тема раскрывается исключительно через личную драму героя. С его судьбой «соприкасаются другие судьбы, помогающие раскрыть главную линию – линию Алексея», – справедливо заметил режиссер первой постановки оперы Г. Ансимов. Впрочем, и самыми мелкими штрихами Прокофьев создал целый ряд характерных образов: обнаружившие Алексея дети, дед Михайло и бабы – жители сожженной деревни, летчик Андрей, медсестра Клавдия, начальник госпиталя, соседи по палате – задиристый Кукушкин, влюбленный Гвоздев и мудрый, твердый духом Комиссар... Особняком стоит фигура Ольги, возникающая в воображении Алексея в самые тяжелые минуты (их «живая» встреча происходит только в конце оперы), – отражение другой, нежной и любящей части души героя, она олицетворяет и вечный символ «невесты бойца», ждущей своего возлюбленного во что бы то ни стало.

Музыкальный язык оперы продолжает героико-эпическую линию кантат «Александр Невский», «Здравица» и музыки к кинофильму «Иван Грозный». Речитативная партия Алексея окрашена в певучие, благородные тона. Хор «Вырос в роще дубок молодой» (в редакции Большого театра), обрамляющий оперу, звучит как символ несокрушимого духа русского солдата. Своеобразный второй план создают песни, в которых Прокофьев использовал подлин-

ные народные напевы («Что же ты, Варенъка...», «Зеленая рощица», «Сон мой милый»); на старинной солдатской песне основан и хор защитников Сталинграда («Нас зовет любимый город»). Стоит отметить и танцевальные эпизоды: если гопак в конце первого действия, выражавший радость Андрея при виде спасенного друга, представляет сферу прокофьевского юмора, то румба из седьмой картины становится одним из кульминационных моментов оперы – именно через танец Алексей убеждает врачей, что его цель достижима!

Возможно, тяжелобольной Прокофьев чувствовал внутреннее родство с героем повести Полевого. «Я преклоняюсь перед мужественным поведением Сережи... волевой и целеустремленный, он работал, работал, работал», – писала о последних годах жизни композитора его супруга М. Мендельсон-Прокофьева.

Среди многочисленной советской оперной продукции на военную тематику, большая часть которой известна сегодня лишь по справочникам, «Повесть о настоящем человеке» предстает счастливым исключением.

В январе-марте 1948 г. в работе над оперой возник длительный перерыв. Чуткий слушатель уловит тонкую грань в музыке, которая пролегла между концом шестой картины (смерть Комиссара) и третьим актом. Печально известное постановление ЦК ВКП(б) «Об опере “Великая дружба” Мурадели» мрачной тенью легло на творчество всех лучших представителей отечественной музыки – конец «Повести...» сочинялся в спешке и с оглядкой на бдительное око цензуры, осторожно и вымученно. Единственное прижизненное исполнение – закрытый показ в Кировском (ныне Мариинском) театре 3 декабря 1948 г., походивший на «черновую» репетицию и не удовлетворивший самого композитора («порой я сам не узнавал своей музыки», – признавался Прокофьев), предршил участие не только оперы,

но и ее автора, закрепив за ним ярлык «формалиста». Произведение было подвергнуто настоящей травле, а Прокофьев, разделив участь крупнейших советских композиторов (Шостаковича, Мясковского и Хачатряна), был вынужден публично каяться и благодарить партию и правительство за «конструктивную критику».

Лишь в 1960 г. «Повесть о настоящем человеке» в новой музыкальной редакции (над ней работали режиссер-постановщик Г. Ансимов, дирижеры Г. Рождественский и М. Эрмлер) и с обновленным либретто была впервые поставлена в Большом театре СССР. Яркий реалистичный образ главного героя, созданный Евгением Кибкало, стал одним из лучших достижений выдающегося певца (позже он воплотил на сцене Большого Андрея Болконского в прокофьевской «Войне и мире»); ведущие солисты прославленной труппы были заняты и в других партиях (Г. Деомидова, М. Миглау, К. Леонова, А. Масленников, А. Эйзен, М. Решетин). В 1985 г. в Большом театре возникло новое постановочное решение оперы (с использованием музыки кантаты «Александр Невский»), но спектакль оказался недолговечным. Как это ни странно, но именно в последние, «постсоветские» десятилетия «Повесть о настоящем человеке» Прокофьева вызывает возрастающий интерес у исполнителей и публики. Однако единственной записью оперы остается вариант, осуществленный в 1961 г. коллективом Большого театра под управлением молодого маэстро (будущем одного из ведущих дирижеров театра) Марка Эрмлера. Его мы и предлагаем Вашему вниманию.

Краткое содержание оперы

I действие. Опушка леса. Из разбитого самолета выползает Алексей. Сбитый в неравном бою, он остался жив, но оказался в тылу врага. К тому

же он чувствует сильную боль в ногах. Усилием воли Алексей заставляет себя подняться и идти к линии фронта.

Прошло много дней. Силы Алексея на исходе. Перед ним расстилается поле, на котором недавно шел ожесточенный бой – повсюду тела русских и немецких солдат. В его сознании возникает образ невесты Ольги. Близкая канонада пробуждает Алексея от забытья, фронт совсем рядом. Из последних сил он ползет на звук.

Алексея находят мальчишки – жители сожженной немцами деревни, теперь живущие в лесу. Один бежит за подмогой, другой рассказывает о гибели отца и брата от рук фашистов. Появляются дед Михайло и бабы. Дед велит одному из мальчишек пробраться через линию фронта и сообщить о найденном летчике.

Землянка деда Михайло. Алексей тяжело болен, он бредит и не может есть. Бабка Василиса приносит бульон из курицы – это было последнее, что у нее оставалось. Слышен шум приближающегося самолета. За Алексеем прилетел летчик Андрей. Его отправят в московский госпиталь.

II действие. Госпиталь. Алексею ампутировали ноги. В бреду ему слышатся голоса матери, Ольги, Андрея, угрожающие реплики врачей. Среди других раненых в палате лежит Комиссар, находясь на пороге смерти, он не теряет бодрости духа, находит слова утешения для других бойцов. Кукушкин подшучивает над пылкой влюблённостью танкиста Гвоздева. Начальник госпитала Василий Васильевич восхищается мужеством Алексея, но тот тяжело переживает потерю ног – ему больше никогда не подняться в небо. Комиссар рассказывает Алексею о русском летчике, в Первой мировой войне потерявшем ступню, но продолжавшем летать. Его травма была гораздо легче, да и самолеты тогда были

куда проще. «Но ведь ты же советский человек!» – убежденно говорит Комиссар.

Весна. Всех раненых невольно охватывает чувство радости, надежды на выздоровление. У Алексея появилась цель. Он упорно учится ходить на протезах. Его навещает Андрей, они вместе вспоминают весну в родном Камышине. Неожиданно умирает Комиссар. Все подавлены.

III действие. Алексей мысленно обращается к Ольге. Ему тяжело, но хуже всего, что никто не верит в его возможность вернуться к профессии летчика. Он дал себе зарок не писать ей, пока снова не сядет в самолет.

Выздоровевшие раненые с нетерпением ждут выписки и отправки на фронт. На прощание для них устроен танцевальный вечер. Алексей понимает – теперь он может доказать всем, на что способен. Превозмогая боль, он танцует на протезах вальс и румбу. Врачи поражены. Они обещают помочь Алексею вернуться в летный полк.

И снова «воображаемый» лирический дуэт Алексея с Ольгой. Открывается панорама фронта, слышен хор бойцов, идущих на защиту Сталинграда. Голоса героев сливаются с мощным звучанием хора.

Аэродром. Алексей в первый раз отправился на боевой вылет. Во время боя он спас жизнь Андрею. Он давно должен был вернуться, однако его все нет. Когда все уже теряют надежду, появляется самолет Алексея. У него кончилось горючее, но ему удалось дотянуть до аэродрома и посадить машину. Вот теперь он готов написать Ольге, рассказать ей обо всем, попросить прощения за молчание. Но в этом нет нужды – Ольга сама приехала к нему на фронт. Происходит долгожданная встреча. Она давно знала все, но ее любовь к Алексею только усилилась.

Борис Мукосей

“I dedicate my new opera based on the plot of Boris Polevoy’s deeply stirring ‘The Story of a Real Man’ to Soviet man and his boundless courage. This novel is my strongest literary impression of late.”

Sergei Prokofiev

This acknowledgement published in the *Vechernaya Moskva* newspaper in 1947 may seem today anachronistic or an ideological runaround. However, we have no reason why we should doubt the sincerity of the words the composer used to speak of his last opera. As the fates decree, *The Story of a Real Man* became the most unknown stage work of the domestic classical composer of the 20th century while its literary origin is still popular among Russian readers. An uncommon plot of the opera that shocked many with its naturalistic scenes (the main character crawls on all fours across a snow-covered forest, delirates on a hospital bed and, finally, dances on artificial limbs) became a cause of rumours and jokes most of which had nothing to do with reality.

A more diligent student of Prokofiev’s music would not be surprised at the fact that the composer wrote the opera hot on the trail of Polevoy’s book. All through his life he would keep off the beaten tracks breaking the habitual ideas of music theatre and realizing completely non-operatic characters (of Dostoyevsky, Leo Tolstoy, Bryusov) on stage. Moreover, Prokofiev’s archive of the second half of the 1940s is evidence of his firm intent to compose an opera based on a contemporary and topical, that is Soviet, plot. After all, does the figure of pilot Alexei Meresiev who gained a victory over a painful affliction look that radical in the chain of the composer’s characters?

The idea of internal struggle with oneself, of triumph of spirit over body becomes a semantic core of the opera. It also contains the principal drama conflict

of the work that has neither battle scenes nor any obvious confrontation. In fact, *The Story of a Real Man* is a chamber monodrama opera where the war theme is shown exclusively through the hero’s personal drama. As Georgy Ansimov, the first director to stage the opera, fairly noted, “*the other characters who help us show the main line, that is Alexei’s line, are only contiguous to his character.*” But even using the smallest strokes, Prokofiev managed to create a whole number of distinctive characters – the children who found Alexei, grandpa Mikhailo and the peasant women who lived in the burnt down village, pilot Andrei, nurse Klavdiya, the hospital administrator, the ward mates – pert Kukushkin, Gvozdev in love, the wise and steadfast Commissar. The figure of Olga deserves a special mention – she appears in Alexei’s imagination during the hardest minutes (their “live” meeting happens only at the end of the opera). Being a reflection of a different, tender and loving part of the hero’s soul, she embodies an eternal symbol of military fiancée who waits for her loved one no matter what.

The musical language of the opera continues the heroic and epic sequence of the cantatas *Alexander Nevsky*, *Zdravitsa* and music to the film *Ivan the Terrible*. Alexei’s recitative part is tinged with melodious, noble tones. The chorus “*A young oaklet grew in the grove*” that frames the opera in the Bolshoi’s version sounds like a symbol of the Russian soldier’s invincible spirit. The songs where Prokofiev used genuine folk themes (“*What makes you so sad, Varenka,*” “*Green grove,*” “*My sweet dream*”) create a sort of a peculiar background. The chorus of the defenders of Stalingrad “*Our favourite city is calling us*” is based on an old soldier’s song. The dance bits are worth a special mention as well. If Prokofiev’s humour is represented with the hopak at the end of the first act to express Andrei’s joy when he sees his saved friend, the rumba from Tableau 7 is one of the culminations of the opera – through dancing, Alexei convinces the doctors that his goal is achievable.

Perhaps, the gravely ill Prokofiev felt affinity with the hero of Polevoy's novel. *"I bow down before Sergei's courageous behaviour... determined and committed, he worked and worked and worked,"* his spouse Mira Mendelson-Prokofieva wrote about the composer's last years.

Among the numerous Soviet operatic products on the war theme, most of which are known today only by the reference books, *The Story of a Real Man* appears to be a happy exclusion.

The composer took a long break in his work on the opera from January to March 1948. A sensitive ear will catch an unintentional borderline between the end of Tableau 6 (Commissar's death) and the subsequent music. The notorious agitprop resolution *"On Muradeli's Opera Great Friendship"* cast its dark shadow on all the best representatives of domestic music. Therefore, the ending of *The Story* was composed in a hurry, cautiously and forcedly, while watching the reaction of the vigilant eye of censorship. The only performance of the opera in Prokofiev's lifetime that took place on 3 December 1948 at the Kirov (now Mariinsky) Theatre, looked like a rough rehearsal and did not satisfy the composer (*"at times I didn't recognize my music,"* Prokofiev admitted) predetermined the destiny of not just the opera but also its author labeling him as a "formalist." The opera was subject to real persecution, and Prokofiev, sharing the fate of some of the best Soviet composers (Shostakovich, Myaskovsky and Khachaturian), had to publicly repent and thank the [Communist] Party and the government for their "*constructive criticism.*"

The Story of a Real Man, with a revised score and a renewed libretto, was staged at the USSR Bolshoi Theatre for the first time as late as in 1960 (by director Georgy Ansimov and conductors Gennady Rozhdestvensky and Mark Ermler). A bright and realistic main character played by Evgeny Kibkalo became one of the best achievements of the outstanding singer (later he performed as Andrei

Bolkonsky in Prokofiev's *War and Peace* on the Bolshoi stage). Some of the leading soloists such as Glaflra Deomidova, Margarita Miglau, Kira Leonova, Alexei Maslennikov, Artur Eisen and Mark Reshetin played the other parts. In 1985, the Bolshoi came up with a new version of the opera (the music from the cantata *Alexander Nevsky* was used), but it was a short-lived production. As strange as it may seem, performers and the public have showed growing interest in Prokofiev's *Story of a Real Man* in the recent, post-Soviet decades. However, the only recorded version of the opera is still the one realized in 1961 by the Bolshoi Theatre and Mark Ermler, then a young maestro and one the future leading conductors of the theatre. It is the very version featured on the album.

Synopsis

Act I. At the edge of a forest. Alexei crawls out of a broken plane. He was shot down in an unequal battle and survived but landed at the rear of the enemy. Moreover, he feels a strong pain in his legs. Forcing himself, Alexei gets up and goes to the front line.

Many days have passed. Alexei is almost exhausted. He sees a field where a fierce battle took place recently – dead bodies of Russian and German soldiers are everywhere. An image of his fiancée Olga comes to his mind. A near cannonade makes Alexei wake up from his oblivion – the front line is near. He crawls toward the sound as his strength is leaving him.

Alexei is found by the boys from a village burnt down by the Nazis. Now they live in the forest. One of them runs away to bring the aid, and the other tells how his father and brother were killed by the Nazis. Grandpa Mikhailo and women appear. The old man tells one of the boys to get across the front line to inform about the found pilot.

Grandpa Mikhailo's dugout. Alexei is seriously ill, delirious and unable to eat. Grandma Vasilisa brings him some chicken broth – it is the last they have. There comes the noise of an approaching plane. Pilot Andrei came to take Alexei. He is now going to hospital in Moscow.

Act II. Hospital. Alexei's legs have been amputated. In a delirium, he hears the voices of his mother, Olga, Andrei and threatening remarks of the doctors. There is the Commissar among the wounded ones in the ward. He is on brink of death but never loses his spirit finding words of comfort for the others. Kukushkin banters tankman Gvozdev's passionate love. Vasily Vasilievich, the hospital administrator, admires Alexei's courage but the latter takes the loss of his legs hard – he will never fly again. The Commissar tells Alexei about a Russian pilot who fought during WWI and lost a foot but continued to fly. His injury was much lighter, and the planes were simpler than today. *"But you are a Soviet man!"* the Commissar says with conviction.

It's spring. All the wounded ones feel an unwitting joy and hope of recovery. Alexei has a goal now. He persistently learns how to walk on artificial limbs. Andrei pays a visit, and they remember springtime in their native Kamyshin. Suddenly, the Commissar dies. Everyone is depressed.

Act III. Alexei speaks with Olga in his mind. He has a hard time, but what is worth no one believes that he will ever be able to return to his profession of a pilot. He has taken the pledge not to write her until he flies again.

The recovered patients look forward to their discharge to go back to the front. A dance party is arranged as a farewell for them. Alexei understands that now he can prove everyone what he is capable of. Overcoming the pain, he does the waltz and rumba on artificial limbs. The doctors are amazed. They promise to help Alexei return to his air regiment.

Again, an imaginary duet of Alexei and Olga. A panoramic view of the front opens. We hear a soldiers' chorus – they march to defend Stalingrad. The heroes' voices merge with a powerful sound of the choir.

An airfield. Alexei has been on a battle flight for the first time and saved Andrei's life in the battle. He should have returned a long time ago. When everyone begins to lose hope, Alexei's plane appears. He is out of fuel but manages to make it to the airfield and land the plane. Now he is ready to write to Olga, tell her about everything and apologize for silence. But there's no need to do so because Olga has come to see him. Their long-awaited meeting takes place. She knew everything about Alexei but her love for him only grew stronger.

Boris Mukosey

« Je dédie à l'homme soviétique, à son immense courage mon nouvel opéra au sujet de l'Histoire d'un homme véritable de B. Polevoï qui m'a profondément marqué. Cette nouvelle m'a impressionné plus que tout autre œuvre littéraire ce dernier temps ». *Sergueï Prokofiev*

Aujourd'hui, cet aveu publié dans le journal « *Le soir de Moscou* » en 1947 pourrait paraître comme un anachronisme, comme un « devoir » idéologique. Mais on aurait tort de douter de la sincérité de ces paroles avec lesquelles l'auteur a décrit son dernier opéra. Par le jeu du hasard, l'*« Histoire... »* est devenue l'œuvre scénique la plus méconnue de ce compositeur de musique classique russe du XX siècle, alors que sa source littéraire est toujours populaire parmi les lecteurs russes. Le sujet de l'opéra est très original, il choquait de nombreuses personnes par son naturalisme excessif (le protagoniste rampe dans la forêt enneigée, est en plein délire sur un lit d'hôpital, ou encore danse... à l'aide des prothèses !) devenu une source de rumeurs et d'anecdotes dont la plupart n'ont rien à voir avec la réalité.

Si on regarde plus attentivement l'œuvre de Prokofiev, on ne saurait être étonné par le choix du livre de Boris Polevoï créé peu après les événements décrits. Tout au long de sa vie le compositeur essayait de sortir des chemins battus, allait à l'encontre des traditions du théâtre musical, représentait sur scène des personnages qui semblaient être totalement étrangers au genre d'opéra (notamment, des personnages des œuvres de Dostoïevski, Leo Tolstoï, Brussov). En outre, les archives de Prokofiev de la deuxième moitié des années 1940 font état de sa volonté affirmée de créer un opéra sur un sujet contemporain, d'actualité (c'est à dire, un sujet « soviétique »). En fin de compte, le personnage de l'aviateur Meressiev qui a su vaincre une grave déficience physique,

semble-t-il vraiment être si insolite dans la suite des personnages de théâtre créés par le compositeur ?

L'idée de la lutte intérieure, de la victoire de l'*« esprit »* sur le *« corps »* est le fil rouge de l'opéra. Elle représente le conflit dramatique principal de cette œuvre dans laquelle il n'y a pas de scènes de batailles, ni de confrontations ouvertes, quelles qu'elles soient. En réalité, l'*« Histoire... »* est une sorte d'opéra de chambre, un monodrame dans lequel le thème de la guerre n'est développé qu'à travers le drame personnel du protagoniste. Son destin *« croise les destins des autres personnages qui permettent de développer le motif principal du sujet, celui d'Alekseï »*, – a remarqué avec justesse le metteur en scène de la première représentation de l'opéra, G. Ansimov. Par ailleurs, même à travers les détails les plus fins Prokofiev a su créer plusieurs personnages bien caractéristiques : les enfants ayant trouvé Alekseï, le vieux Mikhaïlo et les femmes qui habitaient dans le village incendié, l'aviateur Andreï, l'infirmière Klavdia, le directeur de l'hôpital, les hommes qui partagent la salle avec Alekseï : l'insolent Koukouchkine, l'amoureux Gvozdev et le Commissaire, sage et courageux... Le personnage d'Olga qui apparaît dans l'imaginaire d'Alekseï dans les moments les plus difficiles (leur véritable rencontre n'a lieu qu'à la fin de l'opéra) occupe une place particulière : elle reflète une autre facette de l'âme du protagoniste, tendre et amoureuse, c'est une représentation du symbole éternel de la « fiancée du combattant » qui attend son amoureux quoi qu'il arrive.

Le langage musical de l'opéra poursuit la ligne héroïco-épique des cantates *« Alexandre Nevski »* et *« Zdravitsa »*, ainsi que de la musique du film *« Ivan le Terrible »*. La partie d'Alekseï, en récitatif, est marquée par des couleurs nobles et mélodieuses. Le chœur *« Dans le bosquet un jeune chêne a poussé »* dans la rédaction du Théâtre Bolchoï encadre l'opéra et représente le moral invincible du soldat russe. Les chansons dans lesquelles Prokofiev a utilisé de véritables motifs populaires (*« Pourquoi es-tu triste, la jolie Varya ! », « Le bosquet vert... », « Mon rêve si cher »*) représentent une sorte d'arrière-plan ; le chœur des défenseurs de Stalingrad (*« Notre ville bien-aimée nous*

appelle ») est également inspiré par une vieille chanson des soldats. Il faut également mentionner les épisodes dansantes : si le gopak à la fin du premier acte, qui exprime la joie d'Andreï voyant son ami sauvé, appartient à la sphère de l'humour de Prokofiev, la rumba du tableau sept est l'un des points culminants de l'opéra tout entier car c'est à travers la danse qu'Aleksei arrive à convaincre les médecins qu'il lui est possible d'atteindre son but !

Probablement, Prokofiev qui était lui-même gravement malade ressentait une sorte de similitude avec le personnage de la nouvelle de Polevoï. « *J'admire le courage de Sergueï... sa volonté le menait droit au but, il travaillait, travaillait, travaillait* », – a écrit à propos des dernières années de la vie du compositeur son épouse, M. Mendelsson-Prokofieva.

L'« *Histoire d'un homme véritable* » se présente comme une heureuse exception parmi de nombreux opéras soviétiques au sujet de la guerre dont la plupart ne sont connus aujourd'hui que d'après des sources encyclopédiques.

En janvier-mars 1948 le travail sur l'opéra a été interrompu. Un auditeur attentif remarquera une légère différence entre la fin du tableau six (la mort du Commissaire) et la musique qui suit. La tristement célèbre résolution du Comité centrale du Parti communiste de l'Union Soviétique « *A propos de l'opéra "La Grande Amitié" de Mouradeli* » a marqué les esprits de tous les meilleurs représentants de la musique soviétique, de sorte que la fin de l'« *Histoire...* » a été composée à la hâte et dans beaucoup de souffrance, en tenant prudemment compte de la censure. L'unique représentation de l'opéra du vivant du compositeur a eu lieu à huis clos au Théâtre Kirov (aujourd'hui Mariinski) le 3 décembre 1948, elle ressemblait plus à une répétition « brouillon » et n'a pas satisfait le compositeur lui-même (« *par moments je ne reconnaissais même pas ma musique* »), ce qui a décidé le destin non seulement de l'opéra mais également du compositeur auquel on a collé l'étiquette de « formaliste ». L'œuvre

a été véritablement démolie, et Prokofiev a partagé le sort des plus grands compositeurs soviétiques (Chostakovitch, Miaskovski et Khatchatourian) et a dû se repentir publiquement et remercier le parti pour « *la critique constructive* ».

Ce n'est qu'en 1960 que l'« *Histoire d'un homme véritable* », dans une version renouvelée (sur laquelle ont travaillé le metteur en scène G. Ansimov, les chefs d'orchestre G. Rojdestvenski et M. Ermel), tant en ce qui concerne la musique que le livret, a été pour la première fois mis en scène au Théâtre Bolchoï. Le personnage d'Aleksei, réaliste et riche en couleurs, interprété par Yevgueni Kibkalo est devenu l'un des sommets de la carrière de ce chanteur remarquable (plus tard il a également interprété le rôle d'Andreï Bolkonski dans « *Guerre et Paix* » de Prokofiev) ; d'autres solistes de cette troupe célèbre se sont vus confier les rôles des autres personnages (G. Deomidova, M. Miglaou, K. Leonova, A. Maslennikov, A. Eizen, M. Rechetine). En 1985 a vu le jour une autre mise en scène de l'opéra au Théâtre Bolchoï (avec l'utilisation de la musique de la cantate « *Alexandre Nevski* »), mais ce spectacle n'est pas resté longtemps au programme. Cela peut paraître étrange, mais c'est au cours des dernières décennies « postsoviétiques » que l'« *Histoire d'un homme véritable* » de Prokofiev a commencé à susciter un intérêt toujours plus grand de la part des interprètes et du public. Or, l'unique enregistrement de l'opéra qui existe est celui qui a été effectué en 1961 par les musiciens du Théâtre Bolchoï sous la direction du jeune Mark Ermel (qui sera par la suite l'un des principaux chefs d'orchestre du théâtre). C'est cette version qu'on propose à votre attention.

Argument

Acte premier. Une lisière dans la forêt. Aleksei parvient à sortir de l'avion abattu. Touché lors d'un combat, il est resté en vie mais s'est retrouvé sur le territoire occupé par l'ennemi. De plus, il sent une grande douleur au niveau de ses jambes. Aleksei se force à se relever et avancer vers la ligne de front.

Plusieurs jours plus tard, Alekseï n'a presque plus de forces. Devant lui il y a un champ de bataille où le combat féroce vient de se terminer : on voit partout les corps de soldats russes et allemands. Dans son esprit apparaît le souvenir de sa fiancée Olga. Une canonnade proche réveille Alekseï de son état de confusion. Il met toutes ses forces pour avancer dans la direction de ce bruit.

Des garçons trouvent Alekseï, ce sont des habitants d'un village incendié par les Allemands qui se cachent désormais dans la forêt. L'un d'eux part pour chercher de l'aide, l'autre parle de son père et son frère assassinés par les nazis. Apparaît le grand-père Mikhailo et des femmes. Le vieillard dit à un des garçons de traverser la ligne de front et de dire qu'un aviateur a été trouvé.

La cagna du grand-père Mikhailo. Alekseï est gravement malade, il délire et n'arrive pas à manger. La vieille Vassilissa apporte du bouillon de poulet, c'est tout ce qui lui reste. On entend le bruit d'un avion. Un aviateur dénommé Andreï est venu chercher Alekseï. Il sera envoyé dans un hôpital à Moscou.

Acte deux. L'hôpital. Alekseï s'est fait amputer les jambes. Dans son délire il croit entendre les voix de sa mère, d'Olga, d'Andreï, des phrases menaçantes des médecins. Parmi d'autres blessés qui se trouvent dans la même salle il y a le Commissaire : mourant, il ne perd pas la présence d'esprit et trouve des mots de consolation pour les autres soldats. Koukouchkine se moque du tankiste Gvozdev qui est éperdument amoureux. Le directeur de l'hôpital Vassili Vassilievitch admire le courage d'Alekseï, mais celui-ci vit mal la perte de ses jambes : plus jamais il ne pourra conduire un avion. Le Commissaire parle à Alekseï d'un aviateur russe qui a perdu un pied lors de la Première guerre mondiale mais a continué à voler. Sa blessure était beaucoup moins grave et les avions n'étaient pas aussi sophistiqués à l'époque. « *Mais toi, tu es un homme soviétique !* », – dit le Commissaire avec ardeur.

Le printemps. Tous les blessés sont saisis par le sentiment de joie, de l'espoir de convalescence. Alekseï a maintenant un but. Il apprend obstinément à marcher à l'aide de ses prothèses. Andreï vient lui rendre visite, ils se souviennent ensemble du printemps dans leur Kamychine natale. Tout à coup meurt le Commissaire. Tout le monde est bouleversé.

Acte trois. Alekseï s'adresse à Olga dans ses pensées. C'est difficile pour lui, mais le pire est que personne ne croit à ce qu'il pourra reprendre le métier de l'aviateur. Il s'est juré qu'il ne lui écrira pas avant qu'il puisse conduire de nouveau un avion.

Les blessés guéris attendent avec impatience la sortie de l'hôpital et le départ au front. Le dernier jour on a organisé pour eux une soirée dansante. Alekseï comprend que c'est maintenant qu'il pourra prouver à tout le monde de quoi il est capable. Malgré la douleur, il danse la valse et la rumba à l'aide de ses prothèses. Les médecins sont stupéfaits, ils promettent d'aider Alekseï à retourner dans l'aviation.

De nouveau un duo lyrique « imaginaire » entre Alekseï et Olga. S'ouvre le panorama du front, on entend le chœur des soldats qui vont défendre Stalingrad. Les voix des protagonistes rejoignent le son puissant du chœur.

L'aérodrome. Alekseï part pour la première fois au combat. Pendant le combat il a sauvé la vie d'Andreï. Cela fait longtemps qu'il devait être de retour mais il n'est toujours pas là. Lorsque tout le monde perd l'espoir, apparaît l'avion d'Alekseï. Il n'a presque plus d'essence, mais il a réussi à atteindre l'aérodrome et à se poser. Maintenant il est prêt à écrire à Olga, lui parler de tout et demander pardon pour son silence. Mais il n'y en a pas besoin, Olga est venue au front pour le voir. Enfin leur rencontre a lieu. Elle était au courant de tout depuis longtemps, mais son amour pour Alekseï n'en est devenu que plus fort.

Boris Moukosseï

Сергей Прокофьев

«Повесть о настоящем человеке»

Опера в трех действиях по одноименной повести Б. Полевого
Либретто С. Прокофьева и М. Мендельсон-Прокофьевой

Действующие лица и исполнители:

Алексей – Евгений Кибкало

Ольга – Глафира Деомидова

Дед Михайло – Георгий Шульпин

Василиса – Вера Смирнова

Варя – Маргарита Миглау

Петровна – Антонина Иванова

Серёнька – Александр Сузанов

Федя – Владимир Кургузов

Андрей – Георгий Панков

Старший врач – Владимир Петров

Зиночка – Мария Звездина

Полковник – Валерий Ярославцев

Василий Васильевич – Марк Решетин

Комиссар – Артур Эйзен

Клавдия – Кира Леонова

Мать Алексея – Валентина Петрова

1-й хирург – Леонид Маслов

2-й хирург – Николай Захаров

Гвоздев – Виталий Власов

Кукушкин – Алексей Масленников

Хор и оркестр Государственного академического Большого театра СССР
Директор – М. Эрмлер

Запись 1961 г.

Звукорежиссер – А. Гроссман

Диск 1

1. Вступление. «Вырос в роще дубок молодой» / Хор 1.26

Акт I

Картина первая

2. Алексей у разбитого самолета. «Подшибили... Проклятье! Подшибили гады» / Алексей . 4.18

3. Антракт 1 1.56

Картина вторая

4. Мертвое поле. «Три дня пути, а лес все тот же» / Алексей 3.31

5. Песня Ольги. «Помнишь, милый, мы стояли рядом» / Ольга 1.53

6. Канонада. «Артиллерия! Фронт близок» / Алексей 0.55

7. Антракт 2 2.10

Картина третья

8. Сцена с ребятами. «Руки не держат» / Алексей, Федя, Серёнька 2.30

9. Рассказ Серёньки. «В деревню нашу "Плавни" ворвались отряды немцев» / Серёнька . 1.15

10. Приход колхозников. «А вон и деда с Федькой, глянь!» / Серёнька, дед Михайло, Варя, Петровна, Василиса 2.38

11. Песня колхозников. «Вырос в роще дубок молодой» / Хор 2.05

12. Антракт 3 2.16

Картина четвертая

13. Песня для трио. «Что же ты, Варенька, радость, приуныла!» / Варя, дед, Алексей . 4.15

14. Приход бабки Василисы. «Не ест? Где там есть!» / Василиса, Варя, Алексей 2.02

15. Ария деда Михайлы. «Одна утка была ей эта птица» / Дед Михайло 1.30

16. Сцена приближения самолета. «Вара! Слушай!» / Алексей, Федя, дед Михайло, Петровна, Василиса 1.07

17. Появление Андрея и отъезд. «Спасибо, Серёнька, выполнил задание» / Дед Михайло, Андрей, Варя, Алексей 3.24

Общее время: 39.19

Диск 2

Акт II

Картина пятая

1. Бред Алексея. «Только не это!» / Алексей, Василий Васильевич, 1-й и 2-й хирурги, мать Алексея, Ольга, Андрей, Клавдия	5.57
2. Зеленая рощица. «Зеленая рощица, что ж ты не цветешь?» / Клавдия	3.43
3. Сцена Клавдии и Комиссара. «Как только терпит он такую боль» / Клавдия, Комиссар	1.04
4. Баллада Комиссара. «Слушайте-ка, умница, историю» / Комиссар	3.29
5. Сцена. «А комиссар?» / Клавдия, Комиссар, Кукушкин	2.32
6. Сцена. «Две барышни, как будто бы отселялись, зато усердная Анюта пишет» / Кукушкин, Клавдия, Гвоздев, Комиссар	1.02
7. Песня Кукушкина. «Анюта, Анюта! На глазах у всей палаты» / Кукушкин	1.11
8. Сцена. «Ну что, ползун, жив?» / Василий Васильевич, Алексей	2.23
9. Сцена Комиссара и Алексея. «Алеша, ты о чем думаешь?» / Комиссар, Алексей	3.20
10. Антракт 3 (повтор)	2.17

Картина шестая

11. Сцена в солярии. «Тебе было трудно, но ты добился» / Алексей, Василий Васильевич, Кукушкин	4.57
12. Ариозо Алексея. «Весна в Камышине, ручьи бегут и пахнет согретою землей» / Алексей, Андрей	3.42
13. Смерть Комиссара. «Весна на солнышко потянула» / Комиссар, Клавдия, Андрей, Кукушкин, Алексей	6.40
14. «Сон мой милый» / Клавдия	2.04

Акт III

Картина седьмая

15. Письмо. «Оля, как мне трудно» / Алексей	3.10
16. Сцена. «Друзья, вы просили о досрочной отправке на фронт» / Василий Васильевич, хор, Зиночка, старший врач, Алексей	2.47
17. Вальс	2.01
18. Сцена и танец. «Скорей прийти в себя» / Алексей, Василий Васильевич, старший врач	0.58

19. Румба.	2.49
20. Отъезд летчиков. «Конечно, нам будет трудно сразу отправить вас прямо в полк» / Старший врач, Василий Васильевич, хор, Алексей	1.25
Картина восьмая	
21. Баркарола. «Какая тишина» / Ольга, Алексей	3.04
Картина девятая	
22. На фронте. «Нас зовет любимый город» / Солисты, хор	1.49
Картина десятая	
23. Ожидание. «Маслов, Федотов, Данилов – все возвратились» / Кукушкин, Андрей, Полковник	2.26
24. Возвращение Алексея. «Летит! Он летит!» / Андрей, Кукушкин, Полковник, хор, Алексей	4.02
25. Второе письмо к Ольге. «Моя далекая, сегодня я хочу...» / Алексей	044
26. Дуэт Ольги и Алексея. «Алеша, к тебе гвардии младший лейтенант» / Кукушкин, Алексей, Ольга	2.23
27. Финал. «Вырос в роще дубок молодой» / Солисты, хор	0.57

Общее время: 73.10

Редактор – Е. Растегаева

Ремастеринг – Е. Барыкина

Дизайн – Г. Жуков

Перевод: Н. Кузнецов (англ.), Н. Рындина (фр.)

Sergei Prokofiev

The Story of a Real Man

An opera in 3 acts after Boris Polevoy's novel of the same name
Libretto by Sergei Prokofiev and Mira Mendelson-Prokofieva

Characters and performers:

Alexei – Evgeny Kibkalo
 Olga – Glaflira Deomidova
 Grandpa Mikhailo – Georgy Shulpin
 Vasilisa – Vera Smirnova
 Varya – Margarita Miglau
 Petrovna – Antonina Ivanova
 Seryonka – Alexander Suzanov
 Fedya – Vladimir Kurguzov
 Andrei – Georgy Pankov
 Senior Doctor – Vladimir Petrov
 Zinochka – Maria Zvezdina
 Colonel – Valery Yaroslavtsev
 Vasily Vasilievich – Mark Reshetin
 Commissar – Artur Eisen
 Klavdiya – Kira Leonova
 Alexei's Mother – Valentina Petrova
 1st Surgeon – Leonid Maslov
 2nd Surgeon – Nikolai Zakharov
 Gvozdev – Vitaly Vlasov
 Kukushkin – Alexei Maslennikov

Choir and orchestra of the USSR State Academic Bolshoi Theatre
Conductor – Mark Ermller

Recorded in 1961.
Sound engineer – A. Grossman

CD 1

1. Introduction. *A young oaklet grew in the grove / Choir* 1.26

Act I

Tableau 1

2. Alexei at his wrecked plane. *Knocked down... Damn it! Knocked down, bastards / Alexei* 4.18
 3. Entr'acte 1 (orchestra) 1.56

Tableau 2

4. Dead field. *Three days on the way, same forest / Alexei* 3.31
 5. Olga's song. *Do you remember, sweetheart, we were standing close / Olga* 1.53
 6. Cannonade. *Artillery! The front's near / Alexei* 0.55
 7. Entr'acte 2 (orchestra) 2.10

Tableau 3

8. Scene with kids. *My hands can't hold it / Alexei, Fedya, Seryonka* 2.30
 9. Seryonka's story. *German detachments stormed into our village "Plavni" / Seryonka* 1.15
 10. Collective farmers arrive. *Look, there Grandpa and Fedya are / Seryonka, Grandpa Mikhailo, Varya, Petrovna, Vasilisa* 2.38
 11. Collective farmers' song. *A young oaklet grew in the grove / Choir* 2.05
 12. Entr'acte 3 (orchestra) 2.16

Tableau 4

13. Song for trio. *What makes you so sad, Varenka / Varya, Grandpa, Alexei* 4.15
 14. Grandma Vasilisa's arrival. *Doesn't eat? No wonder! / Vasilisa, Varya, Alexei* 2.02
 15. Grandpa Mikhailo's aria. *That bird was her only joy / Grandpa Mikhailo* 1.30
 16. Scene with an approaching plane. *Varya! Listen! / Alexei, Fedya, Grandpa Mikhailo, Petrovna, Vasilisa* 1.07
 17. Andrei's appearance and departure. *Thank you, Seryonka, well done / Grandpa, Andrei, Varya, Alexei* 3.24

Total time: 39.19

CD 2**Act II****Tableau 5**

1. Alexei's ravings. <i>Not that again!</i> / Alexei, Vasily Vasilievich, 1st Surgeon, 2nd Surgeon, Alexei's Mother, Olga, Andrei, Klavdiya	5.57
2. Green grove. <i>Green grove, why aren't you blossoming?</i> / Klavdiya	3.43
3. Scene of Klavdiya and Commissar. <i>How can he stand such pain?</i> / Klavdiya, Commissar	1.04
4. Commissar's ballade. <i>Listen to my story, good girl!</i> / Commissar	3.29
5. Scene. <i>How about the Commissar?</i> / Klavdiya, Commissar, Kukushkin	2.32
6. Scene. <i>Two girls seem to have dropped out, but diligent Anyuta is writing</i> / Kukushkin, Klavdiya, Gvozdev, Commissar	1.02
7. Kukushkin's song. <i>Anyuta, Anyuta! For the whole ward to see</i> / Kukushkin	1.11
8. Scene. <i>Well, crawler, alive?</i> / Vasily Vasilievich, Alexei	2.23
9. Scene of Commissar and Alexei. <i>Alyosha, what are thinking of?</i> / Commissar, Alexei	3.20
10. Entr'acte 3 (repeated)	2.17

Tableau 6

11. Scene in a solarium. <i>You had a hard time, but you succeeded</i> / Alexei, Vasily Vasilievich, Kukushkin	4.57
12. Alexei's arioso. <i>Springtime in Kamyshin, running streams and smell of warm soil</i> / Alexei, Andrei	3.42
13. Commissar's death. <i>Spring is getting sunnier</i> / Commissar, Klavdiya, Andrei, Kukushkin, Alexei	6.40
14. <i>My sweet dream</i> / Klavdiya	2.04

Act III**Tableau 7**

15. The letter. <i>Olya, it's so hard</i> / Alexei	3.10
16. Scene. <i>Friends, you asked to send you to the frontline ahead of time</i> / Vasily Vasilievich, choir, Zinochka, Senior Doctor, Alexei	2.47
17. Waltz (orchestra)	2.01
18. Scene and dance. <i>Come to your senses, quick</i> / Alexei, Vasily Vasilievich, Senior Doctor	0.58
19. Rumba (orchestra)	2.49

20. The pilots' departure. <i>Of course, it would be difficult to us to send you straight to the regiment</i> / Senior Doctor, Vasily Vasilievich, choir, Alexei	1.25
--	------

Tableau 8

21. Barcarole. <i>How quiet</i> / Olga, Alexei	3.04
--	------

Tableau 9

22. At the front. <i>Our favourite city is calling us</i> / Soloists, choir	1.49
---	------

Tableau 10

23. Waiting. <i>Maslov, Fedotov, Danilov – all are back</i> / Kukushkin, Andrei, Colonel	2.26
--	------

24. Alexei's return. <i>Flying! He's flying!</i> / Andrei, Kukushkin, Colonel, choir, Alexei	4.02
--	------

25. Second letter to Olga. <i>My far away one, today I want</i> / Alexei	0.44
--	------

26. Duet of Olga and Alexei. <i>Alyosha, a Guards junior lieutenant is here for you</i> / Kukushkin, Alexei, Olga	2.23
---	------

27. Finale. <i>A young oaklet grew in the grove</i> / Soloists, choir	0.57
---	------

Total time: 73.10

Editor – E. Rastegaeva

Remastering – E. Barykina

Cover art – G. Zhukov

Translation: N. Kuznetsov (eng.), N. Ryndina (fr.)

Sergueï Prokofiev
« Histoire d'un homme véritable »
Opéra en trois actes d'après une nouvelle éponyme de B. Polevoï
Livre de S. Prokofiev et M. Mendelsson-Prokofieva

Distribution :
Alexeï – Yevgueni Kibkalo
Olga – Glaïfira Deomidova
Grand-père Mikhaïlo – Georgi Shulpin
Vassilissa – Vera Smirnova
Varya – Margarita Miglaou
Petrovna – Antonina Ivanova
Serionka – Alexandre Souzanov
Fedya – Vladimir Kourgouzov
Andréï – Georgi Pankov
Médecin en chef – Vladimir Petrov
Zinotchka – Maria Zvezdina
Colonel – Valery Yaroslavtsev
Vassili Vassilievitch – Marc Rechetine
Le Commissaire – Arthur Eizen
Klavdia – Kira Leonova
La mère d'Aleksei – Valentina Petrova
1er chirurgien – Leonid Maslov
2me chirurgien – Nikolai Zakharov
Gvozdev – Vitaly Vlassov
Koukouchkine – Alexei Maslennikov

Chœurs et Orchestre du Théâtre Bolchoï
Chef d'orchestre – M. Ermler

Enregistrement effectué en 1961.
Ingénieur du son – A. Grossman

Disque 1
1. Introduction. « *Dans le bosquet un jeune chêne a poussé* » / Chœur 1.26

Acte I

Tableau premier

2. Aleksei près de l'avion abattu. « <i>Ils m'ont abattu... Qu'ils soient maudits ! Ils m'ont abattu, les salauds</i> » / Aleksei	4.18
3. Entracte 1	1.56

Tableau deux

4. Un champ des mort. « <i>Trois jours de chemin, toujours la même forêt</i> » / Aleksei	3.31
5. Chanson d'Olga. « <i>Tu te souviens, mon cheri, on était côte-à-côte</i> » / Olga	1.53
6. Canonade. « <i>L'artillerie ! Le front n'est pas loin</i> » / Aleksei	0.55
7. Entracte 2	2.10

Tableau trois

8. La scène avec les jeunes gens. « <i>Les bras ne tiennent plus</i> » / Aleksei, Fedya, Serionka	2.30
9. Le récit de Serionka. « <i>Dans notre village de Plavni les troupes allemandes ont fait irruption</i> » / Serionka	1.15
10. L'arrivée des kolkhoziens. « <i>Regarde, voilà le grand-père avec Fedya !</i> » / Serionka, le grand-père Mikhaïlo, Varya, Petrovna, Vassilissa	2.38
11. La chanson des kolkhoziens. « <i>Dans le bosquet un jeune chêne a poussé</i> » / Chœur	2.05
12. Entracte 3	2.16

Tableau quatre

13. Une chanson pour un trio. « <i>Pourquoi es-tu triste, la jolie Varya !</i> » / Varya, le grand-père, Aleksei	4.15
14. L'arrivée de la vieille Vassilissa. « <i>Il ne mange pas ? Comment manger !</i> » / Vassilissa, Varya, Aleksei	2.02
15. Air du grand-père Mikhaïlo. « <i>Cet oiseau était sa seule joie</i> » / Le grand-père Mikhaïlo.	1.30
16. La scène de l'apparition de l'avion. « <i>Varya ! Ecoute !</i> » / Aleksei, Fedya, le grand-père Mikhaïlo, Petrovna, Vassilissa	1.07
17. L'arrivée d'Andréï et le départ. « <i>Merci Serionka, tu as accompli la tâche</i> » / Le grand-père Mikhaïlo, Andréï, Varya, Aleksei	3.24

Durée totale : 39.19

Disque 2

Acte II

Tableau cinq

1. Le délire d'Alekseï. « <i>Non, pas ça !</i> » / Alekseï, Vassili Vassilievitch, le 1 ^{er} et le 2 ^{ème} chirurgiens, la mère d'Alekseï, Olga, Klavdia	5.57
2. Un bosquet vert. « <i>Le bosquet vert, pourquoi n'es-tu pas en fleurs ?</i> » / Klavdia	3.43
3. La scène de Klavdia et du Commissaire. « <i>Comment fait-il pour supporter une telle douleur ?</i> » / Klavdia, le Commissaire	1.04
4. La ballade du Commissaire, « <i>Ecoutez-moi, ma belle, je vous raconterai une histoire</i> » / Le Commissaire	3.29
5. La scène. « <i>Et le commissaire ?</i> » / Klavdia, le Commissaire, Koukouchkine	2.32
6. La scène. « <i>Les deux jeunes filles semblent être lassées, mais Aniouta la dévouée continue à écrire</i> » / Koukouchkine, Klavdia, Gvozdev, le Commissaire	1.02
7. La chanson de Koukouchkine. « <i>Aniouta, Aniouta ! Devant toute la salle</i> » / Koukouchkine	1.11
8. La scène. « <i>Alors, le rampeur, tu es en vie ?</i> » / Vassili Vassilievitch, Alekseï	2.23
9. La scène du Commissaire et d'Andréï. « <i>Aliocha, à quoi penses-tu ?</i> » / Le Commissaire, Alekseï	3.20
10. Entracte 3 (répétition)	2.17

Tableau six

11. La scène au solarium. « <i>C'était difficile pour toi mais tu as réussi</i> » / Alekseï, Vassili Vassilievitch, Koukouchkine	4.57
12. L'arioso d'Alekseï. « <i>Le printemps à Kamychine, il y a des ruisseaux et ça sent la terre chaude</i> » / Alekseï, Andréï	3.42
13. La mort du Commissaire. « <i>Le printemps invite à sortir au soleil</i> » / Le Commissaire, Klavdia, Andréï, Koukouchkine, Alekseï	6.40
14. « <i>Mon rêve si cher</i> » / Klavdia	2.04

Acte III

Tableau sept

15. La lettre. « <i>Olya, c'est tellement difficile pour moi</i> » / Alekseï	3.10
--	------

16. La scène. « <i>Mes amis, vous avez demandé de partir au front avant l'heure</i> » / Vassili Vassilievitch, le chœur, Zinotchka, le médecin en chef, Alekseï	2.47
17. La valse	2.01
18. La scène et la valse. « <i>Se rétablir au plus vite</i> » / Alekseï, Vassili Vassilievitch, le médecin en chef	0.58
19. La rumba	2.49
20. Le départ des aviateurs. « <i>Bien évidemment, il nous sera difficile de vous envoyer directement dans le régiment</i> » / Le médecin en chef, Vassili Vassilievitch, le chœur, Alekseï	1.25
Tableau huit	
21. La barcarolle. « <i>Que c'est paisible</i> » / Olga, Alekseï	3.04
Tableau neuf	
22. Au front. « <i>Notre ville bien-aimée nous appelle</i> » / Solistes, le chœur	1.49
Tableau dix	
23. L'attente. « <i>Maslov, Fedotov, Danilov, ils sont tous de retour</i> » / Koukouchkine, Andréï, le Colonel	2.26
24. Le retour d'Alekseï. « <i>Il arrive ! Il arrive !</i> » / Andréï, Koukouchkine, le Colonel, le chœur, Alekseï	4.02
25. La deuxième lettre pour Olga. « <i>Ma lointaine, aujourd'hui je voudrais...</i> » / Alekseï	0.44
26. Le duo d'Olga et d'Alekseï. « <i>Aliocha, un sous-lieutenant de la garde voudrait te voir</i> » / Koukouchkine, Alekseï, Olga	2.23
27. Finale. « <i>Dans le bosquet un jeune chêne a poussé</i> » / Solistes, chœur	0.57

Durée totale : 73.10

Rédactrice – E. Rastegaeva

Remastering – E. Barykina

Design – G. Joukov

Traduction : N. Kouznetsov (ang.), N. Ryndina (fr.)

